

SZEGEDI TUDOMÁNYEGYETEM
BÖLCSESZETTUDOMÁNYI KAR
IRODALOMTUDOMÁNYI DOKTORI ISKOLA

Шандор Жолт Кришто

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ПРОЗЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
ТЕЗИСЫ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ**

Научный руководитель: проф. Каталин Сёке

SZEGED
2014

I. Предмет, цель и методы исследования в диссертации

В своей диссертации я рассматриваю различные виды художественного пространства в прозе Леонида Андреева; стремлюсь показать их разные виды, подчеркнуть их особенности в контексте тесно связанных с ними идейно-философских, эстетических и поэтических категорий. Таким образом, целью моей работы является выяснение той роли, которую играют художественное пространство в поэтике прозы Андреева через анализ пространство-временных структур важных с точки зрения этой темы повествовательных произведений писателя.

Я пытаюсь найти ответ на следующие вопросы: как именно пространство структурирует художественный мир отдельных произведений, как формируется пространство при помощи различных модусов наррации, как сплавляются в его изображении разные стилевые особенности (реалистические, натуралистические, символистические, экспрессионистические), и как они связываются с системой мотивов и культурно-историческим контекстом произведения.

На мой взгляд, при интерпретации такого рода достигается выявление таких глубинных смысловых слоев произведения, которые не вскрываются «обычным» эстетическим или идейно-философским подходами, и которые еще не были обнаружены исследователями творчества Леонида Андреева.

«Чтение сквозь призму пространственности» (spatial reading) литературных текстов не является новым подходом в русском литературоведении, ведь имеются многочисленные научные работы, которые, с одной стороны, рассматривают пространство, как одну из важнейших категорий текста, и классифицируют различные типы пространства (работы М.М. Бахтина, С.Ю. Неклюдова, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского). Эти научные труды свидетельствуют и о том, что категория пространства играет ключевую роль в образовании значения целого художественного текста. С другой стороны, опубликованы как на русском, так и на других языках статьи, сборники статей, монографии, в которых исследуются пространственные категории одного произведения или особенности пространственных категорий в произведениях одного автора русской литературы (работы И. Трофимова, Н.Е. Разумовой, С.Н. Зотова, Л.Г. Пановой, В.В. Иванцова, Katharina Hansen Löve).

Также имеются научные труды, исследующие пространственную поэтику в прозаических произведениях Леонида Андреева с определенной точки зрения или с более общим подходом.

В данной диссертации при анализе прозы Леонида Андреева используется новый подход, при котором комплексно исследуются проблемы, важные с точки зрения пространственной поэтики произведения, при этом учитывается целостность художественного мира писателя. С этой точки зрения творчество писателя еще не становилось предметом детального научного изучения.

По моему мнению, только очень тщательным и детальным анализом можно описать в высокой степени маркированные виды пространства в прозаических произведениях Леонида Андреева, их семантику, которая имеет не просто топографический или «вещный» компоненты, но и их отношение с другими структурными элементами художественного текста, и т.п.

В моей интерпретации я опираюсь с одной стороны на основные теоретические и «практические» результаты работ (главным образом) Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского), но использую и новые, а также менее новые достижения андрееведения. При этом я цитирую письма, дневники Леонида Андреева, а также воспоминания современников для освещения некоторых проблем, или для иллюстрации предыстории, рецепции отдельных произведений.

II. Структура диссертации и некоторые результаты

В первой главе диссертации — после краткого введения — я рассматриваю основные положения нескольких теоретических работ, которые обосновывают важность категорий художественного пространства литературных текстов, и очерчивают некоторые методы анализа пространственности прозаических произведений.

Во второй главе я делаю краткий обзор специальной литературы последних десятилетий, посвященной творчеству Андреева. Этот обзор показывает многокрасочность творчества писателя, и указывает на главные тенденции исследования его творчества. В то же время эта глава определяет координаты моих исследований, так как часть представленных в ней научных трудов изучает проблемы

мировоззрения Андреева, место его творчества в мировом литературном процессе и отношения с разными стилевыми и идейными направлениями. Эти проблемы в большой степени связаны с особенностями творческого метода писателя, то есть, в конечном счете, с его поэтикой пространства. «Экспериментаторский», превосходящий «классический» реализм стиль Андреева, носит в себе черты появляющейся позже экспрессионистской эстетики, параболичности, которая характерна для сформировавшегося позже литературного экзистенциализма. Они становятся определяющими факторами способа образования художественного пространства. В этой главе представлены также те научные труды, которые занимаются особенностями художественного пространства в прозе Андреева: я подчеркиваю и комментирую их наиболее важные тезисы.

Леонида Андреева принято считать российским предшественником экспрессионизма; для его мировоззрения характерно трагическое, катастрофическое мироощущение сформировавшегося позже направления, при этом, в произведениях Андреева встречаются особенности экспрессионизма, как стилевого феномена, которые оказывают большое влияние на изображение пространства. Одна из важных стилевых черт (это подтверждают и моя интерпретация), когда искажение «внутреннего пространства» героя вызывает и деформацию вещи внешнего мира. Раньше исследователи не обращали достаточного внимания на этот писательский прием Андреева, который проявляется, главным образом, в пространственной структуре произведений, и который можно сближать с экспрессионистским методом изображения. Однако, мы должны добавить и то, что к этой изобразительной манере можно и нужно подходить через особый психологизм Андреева. При изучении пространственных структур некоторых произведений я учитываю и этот подход.

Идейно-философский план некоторых андреевских произведений сближается и с мировоззрением позднейшего экзистенциализма (особенно с мироощущением Ж.-П. Сартра, А. Камю). «Экзистенциализм» Андреева проявляется в постановке «проклятых вопросов» о смысле жизни, которые в то же время констатируют трагизм и безвыходность бытия. В аллегоричном рассказе «Стена» (1901) эта проблематика детерминации воплощается в виде символической стены, «пространственной» формы, которую позже можно проследить через ряд других произведений, как символ детерминации.

В этой части диссертации я цитирую некоторых писателей-современников Андреева, мнения которых явно представляют разнообразие позиций современных критиков по отношению творчества Леонида Андреева. Тут же пишу коротко об истории издания произведений писателя в России, а также о венгерских переводах его произведений и рецепции Андреева в Венгрии.

Третья глава диссертации содержит в себе анализ конкретных произведений. Я поставил условные тематические категории, в которых изучаю отдельные пространственные феномены; анализ одной категории составляет один подраздел данной главы. В этих подразделах обычно я комплексно анализирую одно или два произведения, из других же произведений писателя рассматриваю только их важные для моей темы отдельные особенности.

На творчество Леонида Андреева большое влияние оказала Библия. Об этом свидетельствует и то, что в его творчестве очень часто встречаются библейские мотивы, реминисценции, он переосмысляет, парафразирует сюжеты из Библии, в некоторых случаях создавая таким образом своеобразный «миф» с библейскими корнями. В первом подразделе этой главы я анализирую так называемую «евангельскую трилогию» («Бент-Товит», 1905; «Елезар», 1906; «Иуда Искариот», 1907). Эти произведения являются стилизациями, «ремифологизациями» (термин Ирины Московкиной) библейских историй. Анализ этих произведений позволяет рассмотреть и «мифопоэтические пространства» (термин В. Топорова) в них, и впоследствии становится исходной точкой интерпретации других подобных пространств.

В пространственной структуре всех трех произведений важную роль играет топос пути. Бен-Товит, главный герой одноименного рассказа из-за зубной боли «проморгал распятие Христа». После смерти Иисуса, боль еврейского торговца прошла, и он с радостью проходит (в рассказе имплицитный) путь Иисуса вплоть до Голгофы. Имплицитный и эксплицитный пути вместе создают гротескную атмосферу этого рассказа.

В рассказе «Елезар» Андреев продолжает библейскую историю воскрешенного Иисусом Христом Лазаря. После воскресения Елезара, его веселый характер исчез, он существует как «живой труп». Во взоре Елезара отражается смерть, гибель, поэтому людям, которые посмотрели в его глаза, либо суждено молчаливое умирание, либо они

сходят с ума. Римский император, Август призывает Елезара в Вечный город, потому что он сам хочет увидеть его «смертельный взор», в котором отражается вневременное и внепространственное измерение Бесконечного, в котором цезарь увидел разрушение своей империи. И, наконец, император велел выжечь Елезару глаза. Главный герой возвращается в пустыню, которая окружает Святой город Иерусалим (и которая символизирует безвыходность бытия в рассказе), где Елезар следует по пути заходящего солнца до конца своей второй жизни. Дороги главного героя глубоко символичны, при их рассмотрении в этом разделе анализируется и «потустороннее видение» в рассказе.

В повести «Иуда Искариот» тоже играет важную роль топос пути. В пространстве произведения путь реализуется странствованием Иисуса с учениками через пустыню, где некоторые элементы пейзажа имеют особое значение: отражают и предвещают духовный путь Иуды до предательства.

Во втором подразделе третьей главы диссертации я изучаю одну характерную тенденцию, намечающуюся в плане художественного пространства некоторых произведений, начиная со середины 1900-х годов (можно сказать, с написания рассказа «Елезар»), и которая завершается в рассказе 1914-го года «Полет» (и «Три ночи», «Воскресение всех мертвых», которые составляют с ним «квази-трилогию»). Кроме данных произведений в этом разделе я рассматриваю небольшой рассказ «Покой» (1911) и характерный эпизод «Рассказа о семи повешенных» (1908). В этих текстах возможность разрушения стен детерминации, оставления тесных земных пространств, «наезженных путей» связана с проблематикой «пограничной ситуации» смерти, и небытия. В этих произведениях Андреева фигурирование и «характер» небытия, «непространства» (понятие В. Топорова) свидетельствуют о влиянии на мировоззрение Андреева немецких философов, Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана.

«Пространственный» подход к этим произведениям освещает совсем новую сторону поставленной в них проблемы смерти; а также, например, в рассмотренном в первом подразделе рассказе «Елезар».

Предметом следующего подраздела диссертации является повесть «Жизнь Василия Фивейского». Ее главный герой — священник, который «не верит в свое неверие». Колебание отца Василия в вере показывается и в пространстве произведения: категории *дом*, *церковь*, *сад*, *природа* получают особое значение, для их анализа хорошую основу дает оппозиция «святое – профанное». Сакральным центром (вместо церкви) является сад диакона, где священник (после ряда трагических событий)

распознает свое назначение, которое позже становится его навязчивой идеей, и в конце рассказа он пытается воскресить умершего. В общем можно сказать, что деревня, где живет священник и его семья, глубоко профанная, хаотичная, и в произведении нет «реальных» дорог, по которым герои могли бы покинуть ее.

В четвертом подразделе я обращаюсь к одному из центральных феноменов творчества Андреева — *безумию*. В творчестве писателя часто встречаются герои, страдающие какой-либо душевной болезнью, которая чаще всего является гиперболизацией одной мысли, идеи фикс, в связи с чем пространство, описанное с точки зрения этих героев, нередко получает особый образ, особые приметы.

Один из важных локусов классической литературы — сумасшедший дом (напр. в произведениях Гоголя, Гаршина, Чехова) фигурирует и в рассказе Андреева «Призраки» (1904). Анализ пространственной структуры рассказа показывает, как проявляются авторские идеи через сознание героев в такой специальной среде, как психиатрическая лечебница. В мире произведения точка зрения «нормальности» позиционируется в ночном ресторане, пространство которого многими нитями связано с пространством лечебницы. Таким образом, при отсутствии изображения «нормального» общества (города) в рассказе, создается впечатление, что пространство города и живущие в нем существенно не отличаются от изображаемого в этом произведении пространства и пребывающих в нем героев.

В интерпретации этого рассказа я учитываю сходство с произведениями предшественников писателя.

В следующем подразделе я подвергаю разбору два рассказа 1902-го года «Бездна» и «В тумане», которые в свое время вызвали возмущение современников, в том числе Льва Толстого. При анализе пространственных структур двух рассказов я пришел к выводу: содержание (под)сознания героев отражается в пространстве произведений, т. е. получает «внешние» пространственные «формы», которые в некотором смысле предвещают и показывают процесс «реализации» неосознанного «содержания» душ героев.

Шестой подраздел посвящен городам, изображенным в прозе Леонида Андреева. В некоторых ранних рассказах появляются пространство Орла, родного города писателя, а в нескольких произведениях названы места действия: Петербург и Москва. Намного более характерен для творчества Андреева обобщающий метод: писатель изображает «города вообще», например, в рассказах «Город» (1902) и «Проклятие зверя» (1908). По моему мнению, эти два произведения не являются органической

частью «петербургского текста», так как их не характеризует топографическая определенность.

Эти города Андреева антигуманны, в них невозможно и бессмысленно жить. Герои, живущие в них, испытывают отчуждение, экзистенциальное одиночество, что отражается и в пространстве рассказов, город как будто превращается в метафорическую путаницу, из которой герои не способны выйти. С другой стороны, в рассказе «Проклятие зверя» в точке зрения психически расстроенного безымянного героя город представляет собой особенную структуру. Многолюдный ресторан кажется им подобным зоопарку, а «действительный» зоопарк показывает двойные свойства: в нем фигурируют признаки как спокойного загородного леса, так и бетонного города. Здесь у безымянного героя странное «видение»: в глазах тюленя он увидит «измерение» без форм, т.е. без пространства и времени, «первоисточники бытия» (подобный феномен уже знаком из рассказа «Елеазар»). Это впечатления героя делает зоосад сакральным центром города-лабиринта в данном рассказе.

Эти города Андреева не служат «домом» для проживающих в них людей, но можно отметить, что отсутствие «настоящего дома» свойственно и прозе писателя в целом. В этой части я касаюсь и проблематики «бездомья» в связи с произведениями «У окна», «Красный смех» и др.

В последнем подразделе диссертации я рассматриваю основные виды пространства, связанные с железнодорожной поездкой. Например, закрытые внутренние пространства вагонов, которые репрезентируют отдельные слои общества; вокзал большого города, станция провинциального города. Представляет особый интерес также описание пейзажа с точки зрения героя (которая часто совпадает с точкой зрения рассказчика), который находится в движущемся поезде.

В рассказе «Вор» (1904) главный герой Юрасов, вор, носит «маски», представляется немецким бухгалтером, но его воспринимают чужим во всех вагонах поезда, что говорит о его «внеобщественном» положении. Юрасов стоя на площадке поезда благодаря тишине природы, на минуту теряет свои маски, и чувствует гармонию с природой. Но грохот колес разрушает мгновенную гармонию и вызывает чувство отчуждения, одиночества, вследствие чего поезд приобретает демонические атрибуты в точке зрения героя.

В анализированных произведениях Андреева локусы станции и вокзала имеют различные значения: станция (полустанок) выражает «провинциальность», а вокзал представляет среду большого города, но оба функционируют в виде особой «границы»

между соприкасающимися с ней пространствами, местами. С помощью поезда в определенном смысле можно пересекать некоторые границы, но собственное «внутреннее пространство» героев, за редким исключением, всегда «диссонирует» с «свободным простором» природы за пределами города.

Рассмотренные в этой части диссертации произведения Андреева с данной точки зрения еще не становились предметом научного исследования.

Диссертация завершается приложением, в нем приводится составленная мной библиография, которая содержит в себе венгерские переводы произведений Леонида Андреева, рецензии на эти переводы, а также литературно-критические статьи о писателе и его произведениях, написанные венгерскими авторами на венгерском и русском (и других) языках, и русскими авторами в переводах.

Подытоживая результаты исследования можно сказать, что в интерпретации прозы Андреева я использую не только уже знакомые для андрееведения подходы, «чтение сквозь призму пространственности», но и расширяю его, распространяю на еще не проанализированные произведения писателя, приспосабливаю данный подход и его методы к специфике прозы Андреева, и предлагаю новые точки зрения для анализа его произведений. Таким образом, тщательная интерпретация разных видов художественного пространства у Андреева позволила обнаружить новые стороны некоторых его произведений, выявить их новые смысловые слои, предложить их новую интерпретацию.

III. Публикации по теме

1. *Иван Карамазов и его черт: двойничество как основной принцип организации текста в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» романа «Братья Карамазовы»* // Семиозис и культура, V. Философия и феноменология текста. Сборник статей. Сыктывкар, 2009. 195–199.
(http://www.kgpi.ru/library/Konferences/Semiozis_i_kultura_v5.swf)
2. *Метаморфозы маленького человека Гоголя в ранней прозе Леонида Андреева* // Гоголь и 20 век. Материалы международной конференции организованной докторской программой ELTE „Русская литература и культура между Востоком и Западом”. Будапешт, 5–7 ноября 2009 г. (Dolce Filologia VIII.) Budapest, 2010. 263–273.
3. *Двойничество и безумие в творчестве А.П. Чехова по повести «Черный монах»* // Slavica Szegediensia VII. Szeged, 2011–2012, 137–150.
(http://www.kiado.jgytf.u-szeged.hu/ebook/SLAVICA_VII.pdf)
4. *Семантика художественных пространств в повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского»* // И.Е. Фадеева, В.А. Сулимов (ред.) Семиозис и культура: от реальности к тексту - от текста - к реальности: сборник научных статей (выпуск 7). Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. 287–292.
(http://www.kgpi.ru/library/Konferences/Semiozis_i_kultura_v7.swf)
5. *Сакральное и профанное пространство в повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского»* // 1st Conference for Young Slavist in Budapest. Budapest: ELTE BTK Szlav és Balti Filológiai Intézet, 2012. 157–159.
(<http://szlavintezet.elte.hu/szlavanyagok/youngslavist/1st%20Conference%20for%20Young%20Slavists%20in%20Budapest.pdf>)
6. *Леонид Андреев в Венгрии: Библиография* // Леонид Андреев: Материалы и исследования, Выпуск 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2012. 350–365.
7. *К проблематике «безумия» в прозе Леонида Андреева* // Slavistica actuală între tradiție și inovație, D. Tetean (editor), Cluj-Napoca: Napoca Star, 2014. (принятая к печати статья)